

Прошлое
попало в глаза?

Срочно
обратиться
к ведьме!

К. L. Nord

18+

K.L. Nord

**Прошлое попало в глаза?
Срочно обратиться к ведьме!**

«Автор»

2026

Nord K.

Прошлое попало в глаза? Срочно обратиться к ведьме! /
K. Nord — «Автор», 2026

Эйда Вейр хотела спокойно работать в лаборатории, спорить с подругой о ерунде и ещё пару десятилетий не менять документы. Для ведьмы старше трёхсот лет — вполне разумный план. Но у прошлого оказались другие планы. Однажды посреди Вены Эйда встречает мужчину, которого несколько веков назад собственноручно отправила на тот свет. Теперь он жив, носит другое имя, работает в обычном офисе и почему-то прекрасно помнит её. Вводные данные: один крайне неудобный мертвец, четыре ведьмы с очень разными характерами, подруга-прокурор без капли магии и древняя легенда, в которой явно кто-то забыл рассказать самое важное. Эйда собиралась всего лишь выяснить, почему прошлое внезапно решило вернуться. Кажется, придётся заодно разобраться, почему старые ведьминские тайны снова начали шевелиться, кому понадобился её ковен и почему самые неприятные проблемы всегда начинаются с людей, которые уверяют, что хотят помочь.

© Nord K., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Та, которую она убила	5
Глава 1. Мёртвое лицо	11
Глава 2. Пять ведьм и один мертвец	18
Конец ознакомительного фрагмента.	33

К.Л. Nord

Прошлое попало в глаза? Срочно обратиться к ведьме!

Пролог. Та, которую она убила

Триста с лишним лет назад.

Кровь уже начинала подсыхать на пальцах.

Эйда заметила это не сразу. Она стояла возле стола, упершись в его край ладонью, и смотрела куда-то вниз, хотя давно перестала видеть то, что находилось у её ног. В маленьком доме было душно от растопленной печи, пахло горелым воском, мокрой шерстью и железом — слишком много железа для одной комнаты, слишком знакомый запах, чтобы обманывать себя насчёт его происхождения. За стенами гулял ветер. Он цеплялся за ставни, скрёб ветками по крыше и иногда так сильно толкал плохо подогнанную дверь, что дрожал огонёк единственной свечи.

Кровь на её правой руке была почти чёрной. Между пальцами ещё оставалась влажной, липкой, а на запястье уже стянула кожу тонкой коркой. Эйда машинально потёрла большой палец об указательный и тут же остановилась. Глупое движение. От него кровь только размазалась по коже, забилась под коротко остриженный ноготь и оставила тёмный след на краю деревянного стола.

Изольда лежала рядом.

На боку, чуть неловко подвернув одну руку под себя, будто собиралась прилечь всего на минуту и выбрала для этого совершенно неподходящее место. Тёмные волосы рассыпались по половицам волнами, в нескольких прядях застряли щепки. Юбка собралась у коленей, открывая носки домашних туфель, одна из которых наполовину соскользнула с пятки. Эйде почему-то хотелось поправить её. Натянуть туфлю, расправить платье, убрать волосы с лица — заняться любой мелочью, которую ещё можно было исправить.

Она не двигалась.

За последние минуты Эйда уже дважды проверила дыхание, хотя в первый раз всё поняла. Подносила пальцы к носу, потом прижимала их к шее, долго искала пульс там, где его больше не было. В третий раз делать это было бессмысленно. Изольда не станет живее от того, что Эйда снова положит руку на её кожу и будет считать секунды.

Всё закончилось. Именно этого она и добивалась.

От этой мысли внутри стало особенно мерзко. Эйда медленно опустилась на колени. Пол отозвался тихим скрипом, а разлитая кровь коснулась ткани платья у самого подола. Она не обратила внимания.

Дрожь в пальцах появилась ещё несколько минут назад, мелкая, почти незаметная, но теперь становилась сильнее. Эйда сжала ладонь в кулак и спрятала её в складках юбки, будто собственное тело можно было обмануть таким нехитрым способом.

Лицо Изольды оставалось спокойным.

Но Эйда помнила её другой. С закатанными по локоть рукавами, когда та умудрялась испачкать чернилами всё вокруг, кроме бумаги. С волосами, которые никогда толком не держались в причёске и через час после укладки снова лезли в глаза. Изольда могла несколько дней подряд спорить о каком-нибудь обрывке старой рукописи, а потом исчезнуть на месяц и при следующей встрече продолжить спор ровно с того слова, на котором остановилась, будто между ними не прошло ни дня. Она смеялась громко, запрокидывая голову, и совершенно не

умела скрывать любопытство. Стоило кому-нибудь сказать, что ей не нужно чего-то знать, — всё, можно было считать, что к утру она узнает.

Сейчас на её губах не осталось даже намёка на привычную улыбку.

Эйда протянула руку и убрала с её щеки прилипшую тёмную прядь. Кожа была ещё тёплой. От этого на мгновение показалось, что всё можно повернуть обратно, что достаточно подождать, позвать кого-нибудь, найти ещё один способ. Мысль была настолько подлой, что Эйда резко отдернула пальцы.

Способов больше не было. Или она просто не нашла их вовремя.

Снаружи раздался какой-то звук. Эйда вскинула голову. Ветер на секунду стих, и ночное поселение проступило за тонкими стенами дома отдельными шорохами: где-то хлопнула дверь, залаяла собака, возле дальней улицы кто-то крикнул, чтобы её заткнули. До полуночи было ещё далеко, но люди здесь привыкли ложиться вместе с темнотой. В нескольких соседних домах горели огни, возле часовни наверняка ещё оставался сторож, а за ней, выше по склону, тянулась старая каменная ограда кладбища.

Ничего необычного, но Эйда всё равно прислушалась. Она привыкла доверять не ощущениям, а тому, что можно проверить. Доска трескается там, где волокна уже повреждены. Металл ломается по линии напряжения. Камень кажется вечным только человеку, который не умеет видеть, как вода годами выедает внутри него пустоты. У всего существовала причина. У звука шагов тоже.

Теперь она их услышала: кто-то бежал. Не по дороге — срезал через дворы. Шаги то падали в размокшей земле, то гремели по доскам мостков, перекинутых через канавы. Один раз человек едва не упал: послышался короткий удар, тяжёлое дыхание, ругань сквозь зубы. Потом снова бег.

Эйда закрыла глаза.

Она знала эти шаги.

Несколько мгновений ещё сидела возле Изольды, будто от того, поднимется она сейчас или через минуту, что-нибудь изменится. Потом всё же встала. Колени не сразу послушались, подол платья тяжело потянул вниз, пропитавшись кровью. Эйда расправила ткань, посмотрела на красное пятно и только теперь осознала, что увидит тот, кто войдёт сюда следом.

Надо было уйти раньше.

Надо было уйти сразу.

Но она осталась.

Дверь распахнулась с таким грохотом, что свеча погасла. В комнату вместе с холодом ворвался Элиас. Несколько мгновений он ничего не видел после улицы, остановился на пороге и судорожно хватал воздух, придерживаясь рукой за косяк. На нём не было плаща. Только рубашка, кое-как заправленная в тёмные штаны, кожаный жилет и сапоги, испачканные грязью почти до колен. Свет от печи выхватил растрёпанные светло-каштановые волосы, мокрые виски и совсем молодое лицо, на котором ещё оставалось раздражение человека, слишком долго кого-то ищущего.

— Изольда? — позвал он, едва отдышавшись, и шагнул внутрь, всматриваясь в полумрак. — Я весь дом обошёл. Ты хоть представляешь...

Он замолчал.

Эйда видела, как это произошло. Не мгновенно. Сначала взгляд Элиаса нашёл её — стоящую посреди комнаты, молчаливую, с опущенными руками. Потом скользнул по её пальцам, испачканным в крои. Ниже, к тёмному пятну на платье. И только потом — к полу.

Человек редко понимает смерть сразу.

Элиас тоже не понял. Он смотрел на сестру несколько долгих секунд, будто разум отказывался собрать увиденное в единственную очевидную картину. Потом быстро подошёл, почти

оттолкнув Эйду плечом, и упал рядом с Изольдой на колени. Его ладонь легла ей на щеку. Вторая рука тут же нашла плечо и осторожно его встряхнула.

— Изольда, — позвал он уже тише. — Эй. Слышишь меня?

Ответить было некому.

Элиас потряс сестру сильнее. Нахмурился, склонился почти к самому её лицу, приложил пальцы к шее точно туда же, куда несколько минут назад клала свои Эйда. Будто у них обоих могла быть разная смерть. Будто под его пальцами сердце вдруг решит биться только потому, что он брат и имеет больше прав требовать от него жизни.

Эйда отвела взгляд.

Лучше бы он кричал, но Элиас молчал. Прижимал пальцы к шее сестры, перестав даже дышать, и ждал. Потом переставил их чуть выше. Ниже. Снова выше. Его рука дрогнула.

— Нет, — выговорил он совсем тихо и наклонился над Изольдой, прижав ухо к её груди. — Нет. Нет, стой.

Он зачем-то потёр ладонью её грудь, словно мог разогнать замершую внутри кровь. Потом резко поднял голову, посмотрел на лицо сестры и наконец заметил её глаза.

Они оставались открытыми.

Эйда видела их ещё до его прихода. Видела и старательно туда не смотрела.

Сейчас пришлось.

Когда Изольда была жива, в её глазах никогда не отражалось обычное человеческое лицо Эйды. На его месте возникало что-то другое — прозрачная фигура, собранная из линий, граней и множества переплетённых структур, которые двигались при каждом изменении света. Изольда когда-то смеялась, что Эйда выглядит там так, будто мастер-стеклодув решил собрать женщину из минералов и почему-то не смог вовремя остановиться. Теперь в тёмно-синих глазах Изольды отражалась Эйда. Просто Эйда. Бледное лицо. Волосы, выбившиеся из косы. Тёмное пятно на щеке, которое она даже не заметила раньше. Живая женщина в нескольких шагах от мёртвой.

Ничего больше.

Эйда смотрела на своё отражение, пока Элиас не провёл ладонью по лицу сестры и не опустил ей веки.

Тогда всё исчезло.

Он остался сидеть, склонив голову. Плечи поднялись на вдохе и долго не опускались, будто воздух застрял где-то внутри. Эйда знала его много лет и никогда не видела настолько неподвижным. Даже в детстве Элиас не умел долго оставаться на месте: чинил что-то во дворе, точил нож, спорил с отцом, таскался за сестрой туда, куда той одной ходить запрещали. Он всегда находился рядом с Изольдой — иногда слишком близко, по её мнению, иногда ровно там, где ей хотелось.

Сегодня его не было. Эйда знала почему. Знала всё, что могло заполнить тишину между ними.

Несколько слов уже поднялись к горлу. Они были простыми. Возможно, даже достаточными для начала. Эйда могла произнести их сейчас, пока Элиас сидел перед ней, ещё не понимая, что именно случилось. Рассказать хотя бы часть. Отдать ему ту правду, которая принадлежала уже не ей.

Вместо этого она вспомнила последний взгляд Изольды и последнее обещание.

Элиас медленно поднялся. На его ладонях тоже осталась кровь. Он заметил её не сразу, перевернул руки, посмотрел на красные разводы на коже и почему-то начал вытирать их о штаны. Один раз. Второй. Третий. Кровь только размазывалась.

Потом он посмотрел на Эйду. В его карих глазах она увидела собственное человеческое лицо. Не дар, не то, чем её могли увидеть только такие, как она. Просто женщину, стоящую рядом с мёртвой сестрой, с кровью на руках и платье.

Элиас тоже видел только это. От осознания внутри стало особенно холодно.

— Что ты сделала? — спросил он.

Голос оказался спокойнее, чем Эйда ожидала. Ни крика, ни истерики. Только слова, произнесённые так тихо, что треск дерева в печи почти их заглушил. Элиас смотрел сначала ей в лицо, потом на руки и снова в лицо, будто ждал, что одна из этих деталей вдруг изменится и даст другой ответ.

Эйда открыла рот. Она могла сказать правду. Не всю. Хотя бы ту её часть, которой хватило бы, чтобы он не смотрел на неё сейчас так. Можно было объяснить, откуда взялась кровь. Можно было назвать людей, поступки, ошибки. Можно было рассказать о том, что происходило последние месяцы, почему Изольда всё чаще исчезала, почему сама Эйда почти перестала спать.

Можно было. Но дальше следует ещё один вопрос. Потом следующий. И рано или поздно Элиас дойдёт до того, что Изольда не хотела оставлять ему.

Эйда слишком хорошо его знала. Знала, как он смотрел на сестру, будто в ней одной никогда не могло быть ошибки. Как защищал её даже тогда, когда защита не требовалась. Как легко прощал ей то, за что другого человека вышвырнул бы из дома. Эта правда раздавит его сейчас, решила Эйда. Сделает с ним что-нибудь такое, чего Изольда боялась настолько сильно, чтобы попросить о молчании.

Решение заняло несколько секунд и принадлежало только Эйде.

Она сглотнула слова, которые уже почти произнесла, и вытерла ладонь о бок платья. Тёмная ткань приняла ещё один след, будто одного было мало. Элиас ждал, не отрывая от неё глаз, и в этом ожидании ещё оставалась возможность всё сделать иначе.

— То, что должна была, — ответила Эйда.

Она сразу поняла, насколько плохо прозвучали эти слова.

Лицо Элиаса изменилось не резко. Сначала исчезло ожидание. Потом как будто опустело всё остальное. Эйда успела заметить, как его взгляд скользнул к сестре, задержался на ней и вернулся назад уже другим.

Он ударил её. Эйда не ожидала кулака и потому пропустила первый выпад. Голова дёрнулась в сторону, во рту мгновенно появился вкус крови, а плечо врезалось в край стола. Посуда подпрыгнула, одна деревянная миска упала и закрутилась по полу. Элиас шагнул следом, схватил её за ворот платья и толкнул так сильно, что ткань впилась в шею.

— Должна была? — переспросил он, и вот теперь спокойствия в голосе не осталось. Он дышал ей в лицо, держал обеими руками и будто всё ещё ждал другого ответа. — Ты её убила и говоришь мне, что должна была?

Эйда могла освободиться сразу, но не сделала этого. Боль в разбитой губе была почти приятной своей простотой. Понятной. Здесь существовала причина, существовало следствие, и не требовалось выбирать между чужими обещаниями. Элиас снова толкнул её, прижав спиной к стене, и деревянная доска болезненно ударила между лопаток.

— Ответь мне! — Его пальцы сжались сильнее, а глаза блеснули слишком близко от её лица. — Что она тебе сделала? Что такого она могла сделать тебе, чтобы ты...

Голос сломался. Элиас отпустил одну руку.

На короткое мгновение Эйда решила, что он остановился, но потом увидела нож.

Он всегда носил его справа, под жилетом. Изольда насмехалась над братом за эту привычку, говорила, что тот скоро начнёт приходить с оружием даже к обеду. Элиас отвечал, что кто-то в их семье должен обладать здравым смыслом.

Сейчас нож оказался у её горла.

Эйда поймала его запястье прежде, чем лезвие коснулось кожи. Элиас был сильнее, чем она помнила. Или просто сейчас в нём не осталось ничего, кроме желания довести движение до конца. Он навалился всем весом, металл медленно приблизился к шее.

— Элиас, — впервые позвала его Эйда, удерживая руку обеими ладонями. — Не надо.

— Не смей говорить мне, чего не надо делать, — выдохнул он и рванул кисть вниз, пытаясь освободиться. Нож прошёл рядом с её плечом, вспорол рукав, и ткань тут же потемнела от крови. — Ты стоишь рядом с моей сестрой и всё ещё думаешь, что можешь мне что-то запрещать?

Он снова замахнулся. На этот раз Эйда отступила. Лезвие со свистом разрезало воздух и ударилось о край стола.

На металле давно существовала небольшая трещина — тонкая, почти невидимая возле основания, там, где кузнец неравномерно проковал железо. Эйда заметила её ещё много лет назад и однажды сказала Элиасу заменить нож. Он, конечно, не заменил. Теперь ей хватило прикоснуться двумя пальцами к плоской стороне клинка: металл отозвался привычно — не голосом, не светом, а тем особенным ощущением, которое Эйда никогда не умела толком объяснить другим. Словно вещь сама показывала, где ей больно. Где связи держатся хуже. Где достаточно малого усилия, чтобы целое перестало быть целым.

Эйда надавила — и по стали пробежала трещина. Нож переломился с сухим звоном.

Элиас замер, уставившись на короткий обломок в руке. Эйде хватило этого мгновения, чтобы толкнуть его в грудь и отойти к двери. В пальцах уже начиналась знакомая дрожь, на языке появился неприятный металлический привкус, будто она облизнула монету.

— Что ты... — Элиас посмотрел на сломанное лезвие, потом снова на неё и швырнул рукоять на пол. — Нет. Нет, ты никуда не уйдёшь.

Он двинулся следом.

Эйда могла снова использовать силу. Под ногами было старое дерево, за спиной — железная петля двери, в стенах десятки слабых мест, которые она чувствовала даже сейчас. Можно было заставить пол провалиться под ногой Элиаса или вырвать крепление из косяка, ударить дверь, сломать ему руку.

Она не стала. Просто вышла наружу.

Холод ударил в разбитую губу и заставил втянуть воздух сквозь зубы. Ночь за то время, что Эйда провела внутри, стала ещё темнее. Облака закрыли почти весь месяц, между домами лежали длинные чёрные провалы, а на мокрой дороге светилось одно-единственное окно соседней хижины.

За спиной хлопнула дверь. Элиас догнал её возле забора. Схватил за плечо, развернул, и Эйда едва успела убрать голову от второго удара. Его кулак скользнул по виску. Она перехватила руку, на этот раз уже не позволила ему вырваться и резко завернула за спину.

Элиас зашипел от боли.

— Отпусти меня!

Эйда держала его ещё несколько секунд, чувствуя, как он рвётся вперёд. Она могла бы сказать что-нибудь сейчас. Хоть одно предложение, которое остановит это безумие. Из дома через раскрытую дверь падала узкая полоса света, и в ней было видно тело Изольды, край платья, одну неподвижную руку.

Эйда отпустила. Элиас тут же отшатнулся от неё и снова повернулся к дому. Будто сестра всё ещё могла исчезнуть, если он хоть на минуту потеряет её из виду. Эта короткая растерянность дала Эйде несколько шагов.

— Я найду тебя, — донёсся его голос ей вслед.

Она остановилась. Не потому что испугалась, просто услышала в этих словах что-то такое, чего раньше в Элиасе не было.

Он стоял посреди дороги под начинающимся мелким дождём. Рука висела вдоль тела после неудачного захвата, рубашка была испачкана кровью сестры. Молодой мужчина, которого Эйда знала почти столько же, сколько Изольду, смотрел на неё так, будто за несколько

минут между ними выросла стена, через которую теперь нельзя было ни пройти, ни докричаться.

— Ты мне расскажешь, — произнёс Элиас уже тише. Он не приближался, но в спокойствии, вернувшись в его голос, было куда больше угрозы, чем в ноже. — Я узнаю, зачем ты это сделала. А потом найду тебя.

Эйда ничего не ответила, потому что даже сейчас, услышав это обещание, всё ещё считала своё решение правильным.

Изольда доверила ей последнюю тайну. Элиас переживёт незнание. Переживёт ненависть. Возможно, однажды поймёт, что некоторые вещи лучше оставить вместе с мёртвыми.

Эйда решила это за него так же легко, как совсем недавно решила многое другое. Она развернулась и пошла прочь.

Дождь усилился, быстро превращая дорогу в тёмную грязь. Кровь на руках размокла и потекла по пальцам тонкими розовыми полосами. Эйда тёрла ладони друг о друга, пока шла между спящими домами, но избавиться от неё не получалось. Чем сильнее она пыталась отмыть кожу дождевой водой, тем отчётливее казалось, что запах железа всё ещё держится вокруг.

Через несколько десятков шагов за спиной раздался крик.

Элиас.

Не её имя.

Изольдино.

Он звал сестру так, будто та могла услышать.

Эйда не обернулась.

К утру дождь смывает кровь с дороги, решила она. С рук тоже. Платье придётся сжечь, но это было уже мелочью. Дом останется за спиной, поселение закончится через несколько минут, а потом начнётся дорога, где можно будет наконец подумать, что делать дальше.

Так она и ушла, оставив Элиаса возле мёртвой сестры и забрав с собой единственное объяснение, которое могло изменить всё.

В доме тем временем снова стало тихо. Ветер медленно качнул незапертую дверь, пламя свечи давно погасло, а из печи на пол падал слабый красноватый свет. Кровь возле тела Изольды уже добралась до щелей между досок и начала исчезать в сухом дереве.

Большая её часть и правда уходила вниз, но одна тонкая полоска отделилась от общей лужи, прошла вдоль трещины в половице и выбралась к самому порогу. Там, где доски чуть поднимались вверх, кровь должна была остановиться.

Но не остановилась.

Медленно, почти незаметно, тёмная капля поползла против уклона — к двери, дальше к мокрой земле и старой тропе, уходившей за часовню.

Туда, где за низкой каменной стеной лежало кладбище.

Глава 1. Мёртвое лицо

У Эйды сегодня было две задачи — не запороть отчёт о лабораторной проверке вещества и купить кофе по дороге домой. И в шесть часов вечера, когда самый законопослушный австриец закрывал рабочие задачи и шёл в сторону выхода из здания компании, Эйда смотрела на показатели проверки и думала о своей участи. Вещество было каким-то испорченным или она слишком много на него возложила, но отчёт сегодня всё-таки запорол.

Телефон завибрировал, показывая на экране сообщение от её вот уже лет пять как лучшей подруги и той, с кем Эйда делила квартиру — исключительно с финансовой точки зрения. И эта самая «сожительница» капсом требовала купить ещё и яйца к кофе. Через пару секунд пришло ещё одно сообщение — теперь домой нужны были помидоры и таблетки для посудомоечной машины.

Ждать, когда известный в Вене самый молодой прокурор по уголовным делам вспомнит про ещё один продукт, который вдруг понадобился дома, Эйда не стала. Она закрыла рабочий документ вместе с рабочим ноутбуком. Если сегодня даже её огромного терпения не хватает на простые человеческие дела, то доставать из закровов ещё и ведьмину решимость она не планировала.

Да, ведьмину. Кстати об этом. Женщина, которую коллеги в местной лаборатории давно окрестили их личной колдуньей по вопросам химии, на самом деле вот уже как триста лет носила в себе ведьмину искру и переходила из одного столетия в другое чисто из-за долгой жизни тех самых ведьм.

Сейчас она звала себя Эйдой Вейр — простым химиком из Вены, который просто слишком хорошо разбирался почти в любом химическом веществе. И нет, её ведьмины силы здесь никак не помогали. Правда-правда.

Выходя на свежий апрельский воздух Австрии, Эйда Вейр поглубже засунула в карман куртки вновь завибрировавший телефон. Очередного капса от Норы с очередным продуктом, который она просто обязана была купить, ждать не собиралась. Потому что Нора могла бы зайти в магазин или в кои-то веки воспользоваться доставкой, а не гонять и без того немолодую ведьму по магазинам.

Решив для себя, что сегодня Эйда чуть-чуть побудет злой из-за провалившейся проверки вещества, она направилась в сторону ближайшего супермаркета. Тот как раз находился между их с Норой квартирой и лабораторией, примерно на середине пути.

Проигнорировав ещё одну вибрацию у себя в кармане, Эйда сдула с глаз русую прядь и глянула на красный свет светофора у пешеходного перехода. Машины проезжали впереди, обдавая её какофонией запахов большого города. Прохожие останавливались рядом или спешили дальше по тротуару по своим делам.

Было шесть вечера, обычный вторник, обычный день нового для Эйды двадцать первого века. И дальше он был бы таким же, если бы взгляд ведьмы не зацепился за знакомое лицо. Она бы просто не обратила на него внимания, прошлась бы глазами дальше и встретила бы взглядом ещё с десятков совершенно незнакомых ей людей.

Но что-то заставило вернуться к этому знакомому лицу. Что-то в нём было такое, чего Эйда никак не могла понять. Будто щёлкнуло в голове или толкнуло в грудь. В горле застрял комок, а по загривку прошёлся холодок, словно она вновь оказалась перед тем, кто был готов в любую минуту снести ей голову и сжечь, обвиняя в попрании человеческой сути.

То, что она ощутила, было не похоже на страх и никак не складывалось в тревогу. Это чувство было... странным. Эйда глубоко вдохнула, вновь прошлась глазами назад и упёрлась взглядом в то самое знакомое лицо, которое совсем не думала встретить в двадцать первом веке в Вене, живя уже пару десятков лет под своим новым именем.

И это лицо вовсе не должен был носить живой человек. Потому что она сама убила его три сотни лет назад, когда он не смог смириться со смертью сестры и снова и снова гонялся за ней, обещая убить, если Эйда не скажет, за что.

Это лицо... было старше того, кого она помнила. На нём появились морщины, которых Эйда не ожидала увидеть, под правой бровью виднелась царапина, а виски тронула лёгкая седина. Оно казалось уставшим и бледным, с лёгким пушком щетины, который совсем не был свойственен тому, кого знала Эйда три сотни лет назад. Но взгляд серых глаз оставался тем же, каким она помнила его из прошлого.

На светофоре загорелся зелёный, и люди вокруг Эйды начали движение. Машины тормозили у яркой белой полосы, пищал сигнал светофора, мигали зелёные цифры, а ведьма продолжала стоять и смотреть на лицо того, кого убила три сотни лет назад.

Мужчина с этим лицом двинулся к ней навстречу вместе с другими пешеходами. Он не отрывал от неё взгляда, будто шёл только к ней, не замечая других людей и не собираясь никуда сворачивать. Шёл так уверенно, что Эйда, вновь ощутив холодок, прошедший по телу, неосознанно шагнула назад. В ответ мужчина только улыбнулся, будто ожидал, что так она и сделает.

Когда остальные пешеходы разошлись по своим делам, Эйда осталась стоять на краю тротуара под красным светом светофора напротив того, кого в этом веке увидеть никак не ожидала. А её знакомый из прошлого, тот, кому она лично вогнала в сердце острый клинок, улыбался уголками губ, чуть склонив голову к плечу, и был живее всех живых.

— Как дела? — произнёс он с таким весельем, будто пару секунд назад Эйда сказала какую-то очень смешную шутку в надежде его рассмешить. От этого веселья самой ведьме стало дурно. Тошнота поднялась к горлу, а ладони стали слишком холодными даже для обычного апрельского вторника в Вене.

Мужчина напротив выгнул одну бровь и расслабленно усмехнулся, словно Эйда мялась не из-за страха, увидев призрак прошлого, а просто от лёгкой неожиданности и смущения. — Я был в таком же шоке, когда увидел тебя напротив, — сказал он, чуть наклонившись к Эйде и заглянув ей в глаза.

Эйда знала — там, в отражении, он видел только себя, но почему-то ей казалось, что в её глазах мужчина ждал найти что-то ещё. Он задержался так на пару секунд, словно пытался получить какое-то подтверждение, смысл которого сама Эйда пока не понимала.

— Знаешь, вообще неприлично стоять и молчать, когда у тебя что-то спрашивают. По крайней мере, сейчас так говорят, да? Если спросили, надо ответить, — возмущённо выдохнул он, но в этом возмущении не было злобы, скорее слишком явная насмешка, которую он никак не мог скрыть. — Но тебе я это прощаю. Всё же понимаю, почему ты замерла и ничего не можешь ответить.

Эйда продолжала смотреть на мужчину напротив, не замечая ни окружающих её людей, ни вновь загоревшегося зелёного и писка светофора. Перед глазами стояли чужое окровавленное тело и девушка, что со слезами на глазах умоляла её остановить начатое, а главное — ничего после этого не говорить брату. И эту клятву Эйда сдержала, пусть она и привела к смерти ещё одного человека. Того самого, кто сейчас слишком знакомо вновь склонил голову к плечу.

— Ну что же ты? — фыркнул он и осмотрел пешеходов, которые вновь сменились: одни прошли на зелёный и разошлись по своим делам, другие уже собирались у перехода на красный, а они — ведьма и призрак из прошлого — продолжали стоять друг напротив друга. — Я бы с удовольствием с тобой ещё поболтал, но я тут по делам спешу. Знаешь, работа, всё такое. Но хотел сказать тебе кое-что, раз уж мы вновь встретились.

Он довольно улыбнулся, наклонился ближе к Эйде и обдал её запахом жвачки со вкусом сладкой мяты.

— В этот раз ты мне ответишь, — выдохнул мужчина ей в лицо, а после и правда развернулся на пятках, махнул рукой с зажатым в ней кожаным портфелем и пошёл куда-то влево.

Эйда осталась стоять у пешеходного перехода в окружении других людей и красного света светофора, ошарашенно глядя ему вслед. Ни магазин, ни кофе уже не были для неё важны, а вибрирующий телефон будто вообще перестал существовать. Она забыла и про Нору, которая, скорее всего, уже ждала её дома и явно рассчитывала на полные пакеты еды.

Но ведьма, которая вот уже три сотни лет жила в этом мире, не могла сдвинуться с места, потому что встретила того, кого здесь уже давно не могло быть.

Элиаса, брата Изольды.

Эта мысль и вернула Эйду обратно в тот самый двадцать первый век, из которого она только что мысленно провалилась куда-то на три сотни лет назад. Ведьма моргнула и наконец заметила женщину, которая недовольно обошла её почти по краю проезжей части. Потому что одна очень возрастная, но внешне вполне молодая особа решила занять собой половину тротуара.

Эйда резко глянула туда, куда ушёл мужчина, но светлой рубашки и кожаного портфеля среди людей уже не было. Элиас исчез так же просто, как и появился, будто и правда был обычным венцем, который вышел по делам, встретил старую знакомую и теперь спешил куда-то дальше. Потому что у него там работа, встречи и, судя по всему, вполне нормальная человеческая жизнь.

Вот только никакой нормальной человеческой жизни у Элиаса быть не могло. Эйда ещё пару секунд смотрела туда, где он скрылся, а после резко развернулась и пошла в сторону дома, на ходу доставая из кармана телефон.

Про магазин она даже не вспомнила, хотя тот находился буквально через один перекрёсток, а кофе дома и правда закончился. Нора наверняка уже успела придумать ещё три продукта, без которых их квартира внезапно переставала считаться пригодной для жизни. Но сейчас прокурор могла прекрасно пережить и без кофе, и без яиц, и даже без помидоров.

А если уж совсем прижмёт — в Вене существовала доставка, которой эта женщина по какой-то загадочной причине пользовалась только тогда, когда платить за неё приходилось не ей.

В общем чате ковена последнее сообщение было от Рен, которая ещё вчера прислала фотографию какого-то слишком дорогого коктейля и предложила всем остальным научиться наконец правильно проводить понедельник. Под ним Тала написала, что правильный понедельник — это прийти домой раньше девяти и лечь спать, Ина отправила смеющийся смайлик, а Сера, как обычно, вообще никак не отреагировала на спор, который не требовал её участия.

Сейчас Эйда открыла строку для нового сообщения и впервые за последние несколько минут поняла, что даже не знает, как нормально сформулировать произошедшее. Не писать же капсом что-нибудь вроде «МЁРТВЫЕ ВЕРНУЛИСЬ» и не заставлять четырёх ведьм бросить все свои дела прямо на месте.

Пальцы всё-таки быстро набрали: «Случилось кое-что, чего я вообще не ожидала. Нам надо собраться. Чем быстрее, тем лучше. Если сможете сегодня — сегодня. Если нет, завтра с самого утра». Эйда перечитала написанное, на секунду задумалась, не добавить ли хотя бы пару слов о том, насколько серьёзным было это «кое-что», но оставила всё как есть и отправила сообщение.

Они знали её достаточно давно, чтобы понять: если Эйда просит срочно собраться и не объясняет причину в переписке, то либо кто-то уже умер, либо, как выяснилось сегодня, наоборот — почему-то перестал быть мёртвым. Последнее случалось значительно реже, и до этого вечера ведьма вообще предпочитала думать, что не случалось никогда.

Телефон остался зажатый в ладони, пока Эйда быстрым шагом шла вдоль улицы, почти не замечая людей вокруг. Вена продолжала жить своим обычным вечером, и от этого станови-

лось только страннее. Где-то возле кафе официант вынес на улицу доску с меню, чуть дальше двое мужчин спорили возле припаркованной машины, а на остановке собралась небольшая толпа в ожидании трамвая.

Никто из этих людей не знал, что несколько минут назад среди них спокойно прошёл человек, который умер ещё тогда, когда у всего этого города были другие улицы, правила и проблемы. А Эйда знала это слишком хорошо, потому что Элиас умер не где-то далеко и не по чужим словам.

Она собственноручно убила его и сама же убедилась, что после этого никакого чуда не произошло. Да что там, ведьма до сих пор могла вспомнить каждый неприятный миг той ночи лучше, чем большую часть событий, случившихся с ней сто лет назад, хотя очень хотела бы обратного.

Перед глазами вспыхнул тонкий кортик, который она таскала с собой чуть ли не с тех пор, как в ней впервые проснулась ведьмина искра. В те времена ведьме вообще полезно было иметь при себе что-нибудь острое, потому что одной магией человеческую глупость остановить получалось далеко не всегда. Иногда было проще притвориться обычной женщиной с ножом, чем объяснять толпе, почему у преследующей её компании внезапно рассыпалась телега или треснула железная задвижка.

Кортик пережил вместе с Эйдой столько лет, что в какой-то момент стал такой же привычной частью её вещей, как сейчас телефон или ключи от квартиры. И этим самым кортиком она однажды убила брата своей подруги.

Тогда Элиас снова нашёл её. Эйда уже даже не помнила, сколько раз до этого меняла место, надеясь, что он наконец устанет искать или хотя бы поймёт: ответа, которого требует, не получит.

Но после смерти Изольды он вообще перестал быть тем мужчиной, которого она когда-то знала. Сначала хотел только понять, потом начал обвинять, следом появились угрозы, а через какое-то время вместе с ним стали появляться люди, которым ведьм было проще сжечь, чем задавать им лишние вопросы.

В тот раз всё закончилось быстрее, чем Эйда успела подумать. Элиас шагнул к ней, она отступила, а когда он снова оказался слишком близко, рука сама нашла рукоять кортика.

Дальше остались только короткое движение вперёд и удивительно слабое сопротивление ткани, прежде чем тонкое лезвие вошло ему под сердце. Эйда помнила, как резко изменилось его лицо, как вся злость буквально на секунду исчезла и уступила место чистому непониманию. Будто даже после месяцев преследования он до последнего не верил, что она правда сможет его убить.

Элиас схватил её за руку, но не попытался ударить, не выдернул клинок и даже не произнёс ничего такого, что потом можно было бы носить в памяти как красивую последнюю фразу. Он просто сжал пальцы на её запястье и смотрел прямо ей в лицо широко распахнутыми глазами, пока сердце ещё несколько раз ударилось о рёбра где-то совсем рядом с лезвием.

Эйда чувствовала эти удары даже через рукоять, а потом они прекратились, и вес его тела вдруг стал другим — тяжёлым, уже не пытающимся удержать себя на ногах. Она успела подхватить Элиаса только потому, что иначе он просто рухнул бы перед ней на землю.

И вот тогда пришёл ужас. Не тот страх, который появлялся, когда за ней гналась очередная группа людей с крестами и факелами, и не привычная тревога ведьмы, которая уже знала, чем обычно заканчиваются слухи о странной женщине в маленьком поселении. Этот ужас был другим.

Эйда смотрела на человека, которого когда-то знала совсем не таким, и понимала, что только что сама остановила его жизнь. На пальцах была его тёплая кровь, ладонь Элиаса всё ещё сжимала её запястье, а в голове совершенно не укладывалось, как несколько лет могут

превратить человека, с которым ты когда-то спокойно сидела за одним столом, в того, от кого в итоге пришлось защищаться клинком.

У очередного перехода Эйда остановилась и только тогда заметила, что уже несколько секунд горит красный. Возле неё собрались люди, кто-то говорил по телефону, впереди медленно катились машины, а ведьма смотрела на своё отражение в тёмном экране телефона и всё ещё почти чувствовала на руке чужую кровь.

Она резко сжала пальцы, возвращая себя обратно в настоящее, и пошла дальше вместе с остальными прохожими, как только загорелся зелёный. Ошибиться Эйда не могла, потому что после смерти Элиаса сама проверила его пульс.

Потом сделала это ещё раз — первого ей показалось недостаточно. Несколько минут просидела возле тела, хотя уже понимала, что дальше ничего не изменится. В те времена человеку хватило бы и этого, чтобы считаться окончательно мёртвым, но Эйда и здесь не остановилась. Она сожгла его тело.

Об этом воспоминании ведьма вообще старалась не думать без необходимости, потому что ничего хорошего в нём не было. Инквизиция тогда снова вышла на её след, в поселении уже ходили разговоры о ведьме, а оставаться там после очередной ночи означало буквально дожидаться, пока кто-нибудь постучит в дверь вместе с ещё десятком очень религиозных и очень злых людей.

Эйда могла бы просто уйти, оставив Элиаса там, где он умер, но почему-то не смогла. Возможно, это была вина, а возможно, остатки той старой привязанности к человеку, который когда-то был частью её жизни через Изольду.

Может, Эйда просто не хотела, чтобы его тело нашли те же люди, с которыми он в последние месяцы связался в попытке добраться до неё. Потом они обязательно использовали бы смерть Элиаса как ещё одно доказательство того, что ведьмы якобы не заслуживают ничего, кроме огня.

Какая причина была настоящей, спустя триста лет Эйда уже не пыталась выяснять. Всё равно ничего не менялось. Она сама разожгла огонь и сама дождалась, пока от Элиаса останется только пепел.

После собрала его и отнесла туда, где когда-то он сам развеял прах Изольды. Об этом месте Элиас рассказал ей ещё раньше, когда между ними всё ещё случались разговоры, а не только обвинения, угрозы и попытки выяснить, кто первым потянется к оружию. Эйда тогда запомнила дорогу, хотя совершенно не думала, что однажды вернётся туда уже с его прахом в руках.

Она развеяла его рядом с сестрой, а после бежала. Не ушла красиво в ночь и не начала какую-нибудь новую жизнь, спокойно оставив прошлое за спиной, а буквально бежала из той маленькой деревеньки, пока где-то позади уже раздавались крики и вдалеке появлялся свет факелов.

Первые несколько дней Эйда почти не спала, меняла дороги, пряталась там, где получалось, и каждый раз вздрагивала от любого шума за дверью, потому что была уверена, что инквизиция снова нагнала её. Но Элиас больше не появился — ни через год, ни через десять, ни через сто.

Он был мёртв, сожжён и развеян ветром рядом с Изольдой. И если после всего этого человек умудрялся вдруг оказаться на пешеходном переходе в современной Вене, то Эйда явно пропустила какой-то очень важный этап развития магии.

Телефон снова завибрировал в руке, вырывая её из воспоминаний. На экране одно за другим появились новые сообщения в общем чате, и первой ожидаемо ответила Сера, которая даже на срочные новости реагировала так, будто у неё внутри существовал отдельный человек, отвечающий за спокойствие.

«Я могу сегодня. Через час буду свободна», — написала она, не задавая ни одного вопроса. Почти сразу под сообщением появилось имя Талы.

Та была куда менее сдержанной и сначала прислала: «Насколько срочно?», а ещё через несколько секунд, видимо решив, что сам факт такого сообщения от Эйды уже даёт ответ, добавила: «Ладно, не отвечай. Я закончу здесь и приеду. Сегодня лучше».

Следующей объявилась Рен. «Если после трёхсот лет жизни ты пишешь случилось то, чего я не ожидала, то я уже хочу знать, кого убили», — сообщила она, а спустя буквально секунду дописала: «Или кого надо убить. Я свободна».

Эйда остановилась у края тротуара и впервые за весь путь почувствовала, как напряжение внутри немного отпускает. Совсем чуть-чуть, потому что Элиас от этого не становился мертвее, чем был полчаса назад. Но сама мысль о том, что через пару часов в квартире будут четыре другие ведьмы, делала происходящее хотя бы немного менее безумным.

Последней ответила Ина, которая ещё была на работе. Она написала, что заканчивает примерно через сорок минут и может приехать сразу после, а следом спросила, всё ли с Эйдой в порядке.

На этот вопрос ведьма смотрела дольше остальных, потому что совершенно не понимала, что сейчас вообще считать «в порядке». Но проверять терпение целителя коротким «да», которое та всё равно сразу распознает как ложь, Эйда не стала.

Вместо этого она быстро написала всем: «Тогда сегодня. Жду у себя. Приезжайте, как сможете», — а Ине отдельно добавила: «Я цела. Остальное расскажу дома».

Телефон Эйды наконец убрала обратно в карман, потому что нужный дом уже показался впереди. До него оставалось перейти небольшую улицу и пройти вдоль ряда припаркованных машин, после чего можно было оказаться за закрытой дверью подъезда, подняться наверх и попытаться понять, что она вообще собирается рассказать Норе.

Если ковен ещё мог подождать несколько часов до общего разговора, то прокурор, с которой Эйда делила квартиру, вряд ли позволит ей войти с таким лицом, закрыться в ванной и сделать вид, что обычный вторник идёт по плану. Нора слишком хорошо её знала, и вот это сейчас было очень некстати.

Эйда уже заранее представляла, как рыжая появится в коридоре, посмотрит ей в лицо и вместо нормального «ты купила кофе?» сразу спросит, что случилось. Соврать можно было, конечно, но Нора обладала отвратительной особенностью слушать не только слова, но и то, как человек их произносит.

А после нескольких лет рядом прокурор научилась распознавать большую часть Эйдиных попыток уйти от ответа ещё до того, как сама ведьма успевала закончить предложение. Значит, придётся рассказать хотя бы часть.

От этой мысли Эйда нахмурилась, подходя к подъезду. Слишком уж знакомо она звучала. Когда-то ведьма уже решила сначала рассказать человеку часть, а потом самой определить, нужна ли ему остальная правда.

После оказалось, что из одной маленькой попытки кого-то уберечь выросли годы ненависти и один кортик под сердцем. Но сейчас было не время разбирать собственные ошибки трёхсотлетней давности прямо у двери дома.

Для начала неплохо было хотя бы войти внутрь и убедиться, что Элиас не пошёл за ней следом. Эйда ввела код на небольшой панели возле двери и услышала знакомый щелчок замка. Она уже взялась за ручку, когда на загравке внезапно снова поднялись волоски, а по спине прошёл тот самый неприятный холодок, который несколько минут назад заставил её впервые посмотреть на другую сторону улицы.

Ведьма застыла, но на этот раз не стала убеждать себя, что ей показалось. Она медленно обернулась и внимательно посмотрела назад.

Позади была та же вечерняя Вена, что и минуту назад. Женщина в светлом пальто шла к соседнему подъезду с маленькой собакой, мужчина возле машины складывал что-то в багажник, чуть дальше девушка остановилась у дерева и печатала сообщение на телефоне.

Элиаса нигде не было, и никакое знакомое лицо не смотрело на Эйду из-за чужого плеча. Она постояла так ещё несколько секунд, пытаясь понять, что заставило тело насторожиться, но улица ничего ей не ответила.

Тогда Эйда всё-таки открыла дверь и вошла в подъезд. За спиной тяжёлая створка медленно пошла обратно, оставляя между ней и улицей всё более узкую полосу апрельского вечера.

Ведьма почему-то продолжала смотреть в эту щель до самой последней секунды, пока дверь не закрылась с привычным глухим звуком и не щёлкнул замок.

Только после этого Эйда позволила себе нормально выдохнуть.

Глава 2. Пять ведьм и один мертвец

До квартиры Эйда поднялась пешком, хотя лифт стоял на первом этаже и даже открыл перед ней двери. Четыре этажа — не такая уж трагедия, зато на лестнице было видно пролёты сверху и снизу, а ещё можно было остановиться у окна и совершенно ненавязчиво проверить, не идёт ли следом мужчина, которого она собственноручно отправила на тот свет триста лет назад.

Никто не шёл. На втором этаже пахло чем-то мясным, на третьем у соседей работал телевизор, а сверху снова доносился топот ребёнка, который, кажется, последние несколько месяцев готовился пробить потолок ногами. Всё было как обычно, и Эйда почти поверила в это «обычно», пока не поймала себя на том, что снова трёт большим пальцем кожу возле указательного.

Она раздражённо разжала руку и пошла выше. Эту привычку Эйда знала за собой слишком давно и никогда особенно не любила, потому что тело иногда начинало бояться раньше, чем разум успевал придумать приличное объяснение.

Возле своей двери она задержалась всего на пару секунд, но всё равно посмотрела в окно на площадке. В стекле отражалась пустая лестница, за ним вечерняя Вена уже зажигала окна и фонари, машины тянулись вдоль домов, кто-то стоял у подъезда с сигаретой. Светлой рубашки среди прохожих не было, знакомого лица тоже, и Эйда наконец полезла за ключами.

Из квартиры донёсся приглушённый голос телевизора, потом что-то стукнуло на кухне, и Нора недовольно ругнулась себе под нос. Это почему-то помогло лучше пустой лестницы: Эйда открыла дверь, вошла и только после щелчка замка поняла, что плечи наконец опустились.

— Если кофе у тебя нет, можешь сразу идти обратно, — крикнула Нора с кухни и через несколько секунд появилась в коридоре с деревянной лопаткой в руке. Она посмотрела на Эйду, потом на её пустые руки и медленно прищурилась. — Нет, подожди. А где всё?

На Норе были старые серые спортивные штаны и растянутая тёмная майка, в которой она дома ходила уже столько лет, что Эйда давно перестала помнить её первоначальный вид. Рыжие волосы тоже переживали не лучшие времена: утром Нора почти сорок минут укладывала их, ругалась на плойку и просила Эйду «чуть-чуть помочь электричеству», а теперь вся эта красота была кое-как закручена в пучок, из которого возле висков торчали короткие пряди.

— Я забыла зайти, — призналась Эйда, снимая с плеча сумку. Она поставила её возле шкафа, но пальто почему-то оставила на себе и прошла дальше, будто собиралась через пять минут снова выйти.

Нора проводила её взглядом, но пока ничего не сказала. Только вернулась на кухню, убавила огонь под сковородой и снова начала мешать соус, а Эйде это молчание понравилось куда меньше обычного ворчания.

На кухне было тепло, пахло луком, кофе и чем-то пряным, что Нора добавила в еду уже без надежды на обещанные помидоры. На столе лежала открытая пачка печенья, возле раковины стояли две тарелки, а на подоконнике сохла веточка мяты, которую Нора зачем-то пыталась спасти уже третью неделю.

Эйда открыла шкаф, достала свою белую чашку и поставила возле кофемашины. Потом потянулась за чаем, но за спиной стало слишком тихо, и она ещё до слов Норы поняла, что сделала что-то не то.

— Я вообще ничего не говорю, — заметила Нора, но в голосе уже слышалась усмешка. Она положила лопатку на тарелку и кивнула на чашку. — Ты сама всё прекрасно рассказываешь.

Эйда посмотрела на кружку и тихо выдохнула. Она всегда ставила её справа от чайника, возле банки с заваркой, а кофемашиной пользовалась в лучшем случае пару раз в месяц, когда утром не хватало сил даже на нормальный чай.

— Возможно, я решила изменить привычки, — сказала она и переставила чашку. Нора на это только хмыкнула, снова взялась за лопатку и несколько секунд как будто действительно занималась ужином.

— После трёхсот лет самое время, — отозвалась она наконец. Сказала легко, не глядя, но Эйда всё равно повернула голову, потому что цифра сегодня неприятно совпала с другой.

Нора заметила и это. Она остановилась, посмотрела уже внимательнее, потом её взгляд спустился на пальцы Эйды, которые опять нашли друг друга.

Эйда первой убрала руку в карман пальто.

— Кто? — спросила Нора, и теперь в её голосе уже не осталось насмешки. Она не подошла ближе и не стала строить из себя прокурора, просто встала возле столешницы и ждала.

Эйда посмотрела на неё и немного помолчала. Это короткое «кто» было куда хуже десятка осторожных вопросов, потому что Нора слишком хорошо знала, когда работа делает её злой, ковен — раздражённой, магия — сосредоточенной, а люди заставляют возвращаться к старой привычке с пальцем.

— Почему сразу кто? — всё-таки спросила Эйда, хотя сама понимала, что попытка слабая. Она сняла пальто и повесила его на спинку стула, скорее чтобы занять руки.

— Потому что если бы тебя довели на работе, ты бы уже рассказывала, какой идиот испортил тебе образец, — спокойно объяснила Нора. Она выключила конфорку и прислонилась бедром к столешнице. — Если бы случилось что-то с девочками, ты бы не стояла здесь и не переставляла чашки, а если бы дело было только в магии, половина шкафа уже лежала бы на полу.

Эйда хотела возразить хотя бы ради приличия, но не нашла за что зацепиться. Мир вообще очень странно распределял способности: Норе не досталось ни капли магии, зато чужие привычки она замечала так, будто где-то в прокуратуре ей выдали отдельный сертификат на чтение людей.

— Ты слишком много за мной наблюдаешь, — пробормотала Эйда и включила чайник. Вода зашумела, и этот совершенно обычный звук немного помогал не видеть снова лицо Элиаса через дорогу.

— Мы живём вместе пять лет, — напомнила Нора и потянулась за печеньем. Она откусила половину, посмотрела на Эйду поверх оставшегося кусочка и добавила уже с лёгкой улыбкой: — Я даже знаю, каким ножом ты режешь помидоры, хотя ты почему-то утверждаешь, что остальные пять совсем другие.

— Они другие, — автоматически возразила Эйда.

— Вот поэтому я и спрашиваю ещё раз. Кто?

Эйда опустила взгляд на чайник. Можно было рассказать сейчас всё, от Изольды до ножа под сердцем, но через несколько минут сюда начнут съезжаться остальные, и повторять одну и ту же историю четыре раза она не собиралась хотя бы из уважения к собственным нервам.

— Я встретила человека, — сказала она наконец, доставая чай. — По дороге домой.

Нора снова взяла печенье, хотя есть не спешила. На лице у неё мелькнуло что-то между интересом и осторожностью, но шутку она всё-таки не удержала.

— В Вене? — уточнила она, чуть подняв брови. — Вот уж редкость.

— Очень смешно, — Эйда бросила пакетик в чашку и дождалась, пока чайник щёлкнет. — Я его знала раньше.

— Насколько раньше? — Нора спросила уже спокойнее и отложила печенье обратно на упаковку. Видимо, по тому, как Эйда смотрела на воду, поняла, что дальше шутки лучше немного придержать.

— Давно, — ответила Эйда и налила кипяток. Чай сразу начал темнеть, пар поднялся в лицо, а она всё равно продолжала смотреть в чашку, потому что так было проще. — Настолько давно, что сегодня его здесь быть не должно.

Нора медленно села за стол и подтянула под себя одну ногу. Несколько секунд она ничего не говорила, только смотрела на Эйду, а та уже знала, какой вопрос будет следующим.

— Он должен быть мёртв? — спросила Нора наконец. В голосе всё ещё оставалась та спокойная интонация, которой она обычно пользовалась, когда не хотела заранее пугать человека собственными выводами.

— Да, — Эйда тоже села и обхватила чашку ладонями. — И не в смысле «ему сейчас должно быть триста пятьдесят и он просто подозрительно хорошо выглядит».

Нора прикрыла глаза, выдохнула и потёрла пальцами переносицу. Потом посмотрела на Эйду снова, уже с тем выражением усталого принятия, которое обычно появлялось у неё после особенно странных ведьмовских историй.

— Хорошо, тогда уточню самое неприятное, — сказала она, опуская руку. — Ты видела, как он умер?

— Видела, — ответила Эйда и чуть повела плечом. Перед глазами тут же мелькнула старая рубашка, рука на её запястье и тёмное пятно крови, но она не дала воспоминанию развернуться дальше.

Нора заметила, как изменилось её лицо, и не полезла следом. Она только откинулась на спинку стула и несколько секунд постукивала пальцем по столу.

— Значит, у нас либо очень хороший двойник, либо очень плохие новости, — сказала она наконец. — Я пока надеюсь на двойника.

— Я тоже надеялась, — Эйда отпила чай и тут же поморщилась: слишком горячий. — Пока он не подошёл ко мне сам.

Нора уже собралась спросить что-то ещё, когда телефон на столе завибрировал. Экран загорелся сообщением от Серы: «Поднимаюсь», и Нора, конечно же, успела увидеть имя раньше, чем Эйда перевернула телефон.

— Ты уже всех позвала? — спросила она, глядя на Эйду с новым интересом. — То есть кофе ты забыла, а ковен нет?

— У меня хорошая память на важное, — ответила Эйда и придвинула чашку ближе.

— Таблетки для посудомойки сейчас оскорблены, — сообщила Нора, но поднялась из-за стола, когда в прихожей раздался звонок. — Иди открывай своего важного человека.

Эйда пошла первой и возле двери машинально посмотрела в глазок. На площадке действительно стояла Сера, одна, в светлом пальто и с небольшой сумкой через плечо.

Эйда открыла, но Сера не стала сразу проходить внутрь. Сначала быстро посмотрела на её лицо, потом на руки и только после этого заглянула за плечо в квартиру, будто всё остальное могло подождать.

— Ты цела? — спросила она мягко. Внешне Сера можно было дать лет девятнадцать, особенно сейчас, с распущенными светлыми волосами и тонким лицом, но Эйда давно перестала замечать этот обман, пока кто-нибудь посторонний не начинал разговаривать с Серой как с девочкой.

— Цела, — ответила Эйда и отступила, пропуская её. — Он меня не тронул.

Сера вошла, но пальто снимать не стала. Она сразу положила два пальца на дверную раму, медленно провела ими вниз до замка и только тогда снова посмотрела на Эйду.

— За тобой никто не заходил? — спросила она, присаживаясь возле порога. Эйда покачала головой, но Сера всё равно коснулась ладонью пола и замерла на несколько секунд.

— Я проверяла по дороге, — сказала Эйда, закрывая дверь. — И в подъезде никого не было.

— Я тебе верю, — спокойно ответила Сера и поднялась. — Но проверить всё равно хочу.

Нора появилась в коридоре с чашкой в руках как раз тогда, когда Сера направилась к окну в гостиной. Она посмотрела на её ладонь, потом на дверную раму, возле которой воздух ещё будто немного дрожал, и даже не изменилась в лице.

— Что ищешь? — спросила Нора и отпила кофе. Магия в собственной прихожей давно не впечатляла её настолько, чтобы ради неё отвлечься от кофе.

— Чужое присутствие, — ответила Сера, проводя пальцами по оконной раме. Она задержалась в углу, потом перешла к балконной двери и снова замерла.

Нора проводила её взглядом и поморщилась.

— Очень успокаивающее объяснение, — заметила она. — В следующий раз можешь начать с чего-нибудь менее зловещего.

— Постараюсь, — Сера чуть улыбнулась, но работу не бросила. Она ещё раз проверила стену возле окна, вернулась в коридор и только после этого расстегнула пальто.

Эйда всё это время стояла рядом и ждала хотя бы какого-нибудь изменения в лице Серы. Было бы проще, если бы она нахмурилась, нашла след, попросила не трогать дверь или сказала, что Элиас оставил на ней что-то чужое.

Но Сера только сняла пальто и посмотрела на Эйду.

— Ничего нет, — сказала она. — Ни на тебе, ни в квартире.

Эйда кивнула и почувствовала, как вместо облегчения внутри становится ещё неприятнее. Если бы Элиас пришёл с магией, след можно было бы искать дальше, чужое воздействие — снимать, связь — разбирать по кускам, пока она не перестанет быть загадкой.

А он просто стоял среди Вены, жевал мятную жвачку, держал кожаный портфель и помнил её.

— По твоему лицу видно, что это почему-то плохая новость, — сказала Нора, возвращаясь на кухню. Она забрала со стола чашку Эйды и на секунду задержалась, проверяя, не остыл ли чай слишком сильно.

— Лучше было бы найти хоть что-нибудь, — ответила Сера и повесила пальто на свободный крючок. — Когда след есть, хотя бы понятно, за что цепляться.

Эйда уже собиралась сказать, что сегодня им пока вообще не за что цепляться, когда звонок прозвучал снова. За дверью сразу послышались два женских голоса: один говорил быстро, второй пытался вставить слово и уже начинал раздражаться.

Нора остановилась на полпути и посмотрела на Эйду.

— Ещё две? — спросила она с таким видом, будто мысленно уже считала чашки и количество еды в холодильнике. — Скажи хотя бы, что кто-нибудь из них догадался купить кофе.

Эйда всё-таки улыбнулась и пошла открывать вместе с ней. По голосам за дверью она уже узнала Ину и Рен, а значит, тихий вечер можно было официально считать законченным.

Нора открыла дверь, и в прихожую сразу вошли два разных настроения. Ина появилась первой — невысокая, с большой тёмной сумкой на плече и тем спокойным лицом, с которым обычно сообщала детям в больнице, что укол будет неприятным, но пережить его всё-таки придётся. За ней почти вплотную шла Рен, успевшая за время подъёма снять шлем и теперь держала его под мышкой, будто в лифте ей почему-то не хватило ещё одного предмета, которым можно занять руки.

— Я говорила, что не надо звонить три раза, — сказала Ина, отступая в сторону, чтобы Рен тоже смогла войти. Она уже снимала пальто, но взгляд успел добраться до Эйды раньше. — Если человек не открывает через пять секунд, это не значит, что он умер.

— Сегодня это спорное утверждение, — отозвалась Рен и протянула шлем Норе так естественно, словно та всю жизнь стояла в прихожей только затем, чтобы принимать чужие вещи. Нора посмотрела на шлем, потом на неё, но всё-таки взяла.

— Я очень рада вас видеть, — сказала она, прижимая чёрную тяжёлую штуку к животу. — Особенно приятно, что мой дом всё больше напоминает гардероб.

Рен уже не слушала. Она прошла мимо Серы, на ходу стянула кожаную куртку и бросила её поверх собственного шлема, который всё ещё держала Нора. Та молча посмотрела на новую вещь в руках и перевела взгляд на Эйду с выражением, в котором читалось довольно ясное «это твои люди».

Эйда сделала вид, что не заметила.

Ина тем временем дошла до неё и остановилась так близко, что Эйда сразу поняла, что сейчас будет. Она даже успела немного отвести руку, но Ина уже потянулась к запястью и остановилась буквально в нескольких сантиметрах от кожи.

— Можно? — спросила она, подняв глаза.

— Можно, — ответила Эйда и протянула руку сама. Спорить с Иной на тему здоровья было не сложнее, чем спорить с Серой на тему безопасности: теоретически возможно, практически бессмысленно.

Ина положила пальцы на внутреннюю сторону запястья и ненадолго прикрыла глаза. Тепло от её ладони быстро ушло глубже, почти под кожу, затем разошлось выше по предплечью лёгким покалыванием, от которого Эйда привычно захотела почесаться. Через несколько секунд Ина отпустила её и сразу нахмурилась.

— Сердце быстрое, руки холодные, мышцы напряжены, — перечислила она и снова посмотрела Эйде в лицо. — Но повреждений нет. Магия тоже не просела.

— Я говорила, что цела, — заметила Эйда, бросив взгляд на Серу.

Та уже устроилась у стены и даже не попыталась оправдаться.

— Физически цела, — уточнила Ина и подтолкнула к ней оставленную на тумбе чашку.

— Остальное организм переживёт. Сейчас он просто уверен, что за тобой что-то гонится.

— Очень своевременное замечание, — сказала Эйда и всё-таки взяла чай. Он успел остыть до нормальной температуры, хотя за вечер она уже пару раз забывала, что вообще его сделала.

Рен тем временем добралась до кухни и за полминуты заняла половину стола. Ноутбук появился перед ней раньше, чем Нора успела вернуть себе руки, телефон лёг рядом, потом нашлась розетка, в которую Рен без спроса подключила зарядку. Открытая пачка печенья мешала, поэтому она просто подвинула её к краю.

— Имя, — потребовала Рен, уже открывая браузер.

Эйда остановилась в дверях кухни и посмотрела на неё.

— Даже не здороваешься? — спросила она, чувствуя, как раздражение наконец начинает вытеснять остатки неприятного холода под кожей.

— Я приехала через половину Вены после сообщения «срочно, сегодня у меня», — ответила Рен и на секунду подняла голову. Уголок губ дёрнулся в знакомой усмешке. — Можешь считать это очень содержательным приветствием. Имя.

— Элиас, — сказала Эйда.

Рен сразу начала печатать. Ни фамилии, ни даты рождения, ни чего-нибудь полезного для нормального поиска у неё пока не было, но отсутствие информации никогда не мешало ей вести себя так, будто всё нужное просто плохо спрятали.

— Только Элиас? — уточнила она через несколько секунд, открывая новую вкладку.

— Триста лет назад люди как-то умудрялись жить без нормальных баз данных, — ответила Эйда. — Фамилию я не помню.

— Варвары, — пробормотала Рен и продолжила работать.

Нора вернулась на кухню последней, принесла шлем и куртку Рен и положила всё на свободный стул. Потом посмотрела на ведьм, которые уже успели занять пространство так, словно собрание назначали не у неё дома, а в каком-нибудь штабе, и молча достала ещё две чашки.

— Ладно, — сказала она, включая кофемашину. — Раз уж никто не собирается рассказывать мне по порядку, я сама назначаю этот момент началом. Кто такой Элиас?

На кухне стало тише. Даже Рен ненадолго замедлила пальцы, хотя взгляд от экрана не отвела.

Эйда села за стол и поставила чашку рядом. Рассказывать всё было всё ещё неприятно, но теперь хотя бы не придётся повторять каждому отдельно.

— Брат Изольды, — начала она. Нора чуть нахмурилась при знакомом имени, но ничего не спросила. — Изольда была ведьмой. После её смерти Элиас сначала искал виноватых, потом решил, что проще искать ведьм вообще.

Ина села напротив и сложила руки на столе.

— Охотник? — спросила она спокойно.

— Да. И довольно упёртый, — ответила Эйда. — Несколько лет он шёл в основном за мной, но по дороге доставалось и другим.

Сера чуть сдвинулась ближе к столу, продолжая слушать.

— Почему за тобой? — спросила она.

Эйда на секунду задержала взгляд на чае.

— Изольду он нашёл мёртвой рядом со мной.

Этого оказалось достаточно, чтобы никто не стал уточнять дальше. Не сейчас.

Нора поставила чашку под кофемашину и обернулась через плечо.

— И триста лет назад он попытался тебя убить? — спросила она, собирая уже знакомые куски истории в одну линию.

— Да, — Эйда кивнула. — В тот раз я оказалась быстрее.

Рен, не отрываясь от ноутбука, подняла палец.

— Насколько быстрее? — спросила она. — В смысле, мы всё ещё уверены в части, где он умер?

Эйда посмотрела на неё с лёгким раздражением.

— Пульс я проверила дважды. Потом сожгла тело.

Рен перестала печатать и наконец подняла голову.

— Прямо полностью?

— Нет, Рен. Оставила половину на всякий случай, — сухо ответила Эйда. — Конечно полностью.

Нора едва заметно усмехнулась, но быстро вернулась к кофемашине. Ина только покачала головой, будто мысленно внесла в список плохих медицинских решений ещё и кремацию без официального освидетельствования.

— Пепел тоже не оставила на месте, — добавила Эйда, чтобы закрыть вопрос окончательно. — Если он пережил это, у меня появились серьёзные претензии не к магии, а к устройству человеческого организма.

— Хорошо, — сказала Рен и снова склонилась к экрану. — Тогда считаем смерть подтверждённой.

— Спасибо за доверие, — пробормотала Эйда.

Нора поставила перед Иной кофе, себе налила чуть меньше и осталась стоять возле столешницы. На несколько секунд кухня снова стала почти обычной: кофемашина шумела, кто-то наверху передвинул стул, Рен быстро щёлкала по клавиатуре, а рядом обсуждали человека, которого сожгли три века назад.

— И сегодня он подошёл к тебе сам? — спросила Ина, обхватив чашку ладонями.

Эйда кивнула.

— На улице. Посмотрел прямо на меня, заговорил и вёл себя так, будто между последней нашей встречей и сегодняшним днём прошло не триста лет, а пару недель.

Сера нахмурилась.

— Назвал тебя по старому имени?

— Нет, — ответила Эйда. — Вообще не называл по имени. Но он знал, кто я.

— Ты уверена? — Ина задала вопрос без нажима, просто как одну из версий. — Люди иногда бывают очень похожи. А память через столько времени не обязана быть точной.

— Лицо можно перепутать, — согласилась Эйда. — Манеру смотреть, двигаться, останавливаться перед ответом — уже сложнее. И он сказал, что в этот раз я ему отвечу.

Ина медленно кивнула. Возражать дальше не стала.

Сера посмотрела на Эйду внимательнее.

— Когда он подошёл, ты почувствовала магию? — спросила она.

— Нет, — Эйда ответила сразу. Этот кусок ей самой нравился меньше всего. — Ни давления, ни чужого следа, ничего похожего на ведьмовскую силу.

Сера чуть поджала губы и села рядом с Иной. После собственной проверки квартиры эта версия выглядела ещё неприятнее.

— Тогда либо он не пользовался магией, либо мы имеем дело с чем-то, чего не узнаём, — сказала она.

— Или это вообще не он, — вставила Рен.

Эйда посмотрела в её сторону.

— Мы только что обсудили этот вариант.

— Мы обсудили лицо, — возразила Рен и открыла ещё одну страницу. — Я говорю о человеке. Допустим, лицо его. Воспоминания его. Это всё ещё не обязательно тот же самый человек.

Нора прислонилась плечом к шкафу и посмотрела на неё уже серьёзнее.

— Ты про чужую память?

Рен пожалала плечами.

— Про что угодно. Если можно передать часть воспоминаний, почему нельзя передать больше?

Ина сразу нахмурилась.

— Потому что «больше» — очень расплывчатое понятие, — сказала она и провела пальцем по краю чашки. — Отдельный образ, чувство, иногда чужой опыт передать можно. Но целую жизнь я никогда не видела.

— Я тоже, — добавила Сера. Она ненадолго задумалась, потом посмотрела на Эйду. — Хотя после сегодняшнего я бы не стала исключать вариант только потому, что мы с ним не сталкивались.

Нора перевела взгляд с одной ведьмы на другую.

— То есть никто не знает, возможно ли засунуть триста лет чужой жизни в голову другому человеку?

Ина поморщилась.

— Ты очень неприятно это сформулировала.

— Зато понятно.

Эйда невольно усмехнулась и потянулась за чашкой. Разговор становился всё хуже, но хотя бы переставал быть её личным кошмаром и превращался в проблему, которую можно разбирать вместе.

Рен снова ушла в поиск. Несколько раз она попросила Эйду описать одежду Элиаса, потом уточнила место встречи, время и направление, в котором он ушёл.

— Светлая рубашка, кожаный портфель, — перечисляла Эйда, наблюдая, как на экране одна за другой открываются карты и страницы. — Седина на висках, царапина под правой бровью. Серые глаза.

— Рост? — спросила Рен.

Эйда задумалась.

— Немного выше меня.

— Великолепно. Теперь я точно найду одного конкретного мужчину в Вене.

— Хочешь, я вернусь на улицу и попрошу у него паспорт? — предложила Эйда.

— В следующий раз так и сделай, — невозмутимо ответила Рен. — Люди почему-то очень недооценивают пользу нормальной идентификации.

Нора тихо засмеялась и поставила на стол тарелку с остатками печенья. Ина сразу взяла одно, Сера отказалась, а Рен даже не заметила, что еда появилась рядом.

Пока поиск ничего не давал. Рен переходила с одного источника на другой, несколько раз раздражённо закрывала вкладки, потом переключилась на карту района и начала смотреть камеры, магазины и здания возле перекрёстка.

— Если он попал хотя бы на одну нормальную запись, будет проще, — сказала она, больше себе, чем остальным.

— «Нормальную» в твоём понимании — это где лицо крупным планом и рядом табличка с адресом? — спросила Нора.

— Желательно ещё номер телефона и налоговый идентификатор, — ответила Рен, продолжая печатать. — Но я сегодня не привередливая.

Эйда уже собиралась сказать, что они вряд ли получают такой подарок от судьбы, когда в прихожей раздался очередной звонок. Почти сразу вслед за ним за дверью что-то коротко стукнуло, потом послышалось тихое ругательство.

Сера первой повернула голову.

— Тала, — сказала она и едва заметно улыбнулась.

Эйда тоже поднялась. Ещё до того, как Нора дошла до двери, из коридора потянуло знакомым сухим запахом, который никак не должен был чувствоваться через закрытую дверь, но всё равно сразу щекотнул нос.

Озон.

Эйда остановилась возле стола и посмотрела на Серу. Та уже перестала улыбаться.

Нора открыла дверь, и запах озона сразу стал сильнее. Он ввёлся в одежду Талы, в волосы, даже в сумку, которую она перекинула через плечо, и теперь тянулся за ней в квартиру сухим металлическим шлейфом. На станции она, похоже, собиралась задержаться ещё на час максимум: тёмно-синяя рабочая куртка осталась застёгнутой наспех, волосы были собраны резинкой кое-как, а на левом рукаве виднелась светлая полоса пыли, словно Тала перед уходом успела залезть туда, куда нормальный инженер полез бы только в перчатках и с лестницей.

— Если вы уже начали без меня, я обижусь, — сказала она, снимая ботинки. Потом услышала, как Рен из кухни снова произнесла что-то про мёртвого человека, замерла с одним ботинком в руке и медленно подняла голову. — Кто воскрес?

Нора отступила, пропуская её дальше, и забрала куртку, когда Тала наконец сняла её с плеч. По лицу было видно, что вопрос она задала совершенно серьёзно, хотя ещё пару минут назад Эйда решила бы, что хуже формулировки для сегодняшнего вечера уже не придумать.

— Никто пока официально не воскрес, — ответила Нора, вешая куртку рядом с вещами остальных. — У нас есть человек, который должен быть мёртв, но почему-то ходит по Вене, разговаривает и носит приличный портфель.

Тала посмотрела на Эйду.

— Ты его убивала?

— Очень приятно, что у всех один и тот же первый вопрос, — сухо заметила Эйда и вернулась на кухню. — Да. Убивала. Надёжно.

— Тогда это считается, — решила Тала и пошла следом, уже на ходу собирая волосы плотнее. Она выглядела уставшей, но не той обычной вечерней усталостью после смены, когда хотелось только снять обувь и перестать разговаривать с людьми. В движениях оставалась

какая-то собранность, слишком жёсткая для человека, который приехал просто послушать чужую историю.

Ина сразу подвинула ей свободный стул. Рен подняла глаза от ноутбука всего на секунду, кивнула в знак приветствия и снова вернулась к экрану, а Сера уже смотрела не на Талу, а на её руки.

— Что случилось? — спросила она. — От тебя пахнет станцией сильнее, чем обычно.

Тала опустилась на стул и только тогда заметила, что всё ещё сжимает пальцы в кулак. Разжала, провела ладонью по джинсам и посмотрела на Эйду, словно пыталась решить, стоит ли сначала дослушать историю про Элиаса.

— У меня тоже новости, — сказала она. — И мне они не нравятся.

Нора достала ещё одну чашку и поставила рядом с ней.

— Кофе?

— Да, пожалуйста. Без сахара, — ответила Тала и потянулась к сумке. — Я поэтому и опоздала. У нас на станции был скачок.

Рен что-то быстро набрала и, не отрывая глаз от экрана, спросила:

— Насколько плохой?

— Если бы он был просто плохой, я бы сейчас сюда не ехала прямо с работы, — отозвалась Тала и достала телефон. — Я сначала решила, что автоматика где-то сработала криво. Потом, что датчик врёт. Потом полезла проверять сама.

Эйда села обратно за стол и придвинула к себе чашку. С электричеством у Талы отношения были примерно такие же, как у Ины с человеческим телом: если она говорила, что что-то ведёт себя неправильно, спорить было лучше после того, как закончишь завещание.

— Что именно произошло? — спросила Эйда.

Тала открыла на телефоне фотографию какого-то графика и положила аппарат на стол между чашками. На экране шли несколько линий с подписями, понятными, кажется, только ей и половине технического персонала станции.

— Вот здесь всё нормально, — сказала она, ткнув пальцем в экран. — Нагрузка растёт, защита перераспределяет поток, потом система стабилизируется. А здесь она на несколько секунд делает не то, что должна.

Нора поставила перед ней кофе и посмотрела на график с искренним недоверием.

— Для человека, который видит здесь четыре разноцветные линии, поясни человеческим языком.

Тала взяла чашку обеими руками, погрела пальцы и немного подумала.

— Представь воду в трубах, — сказала она. — Ты открываешь кран на кухне, и вода почему-то вместо него на несколько секунд начинает течь в соседний дом. Причём трубы целые, давление нормальное и никто ничего не переключал.

— Уже неприятнее, — признала Нора и села рядом.

— Вот. Только у нас это было с электричеством, — Тала сделала глоток и поморщилась, потому что кофе оказался слишком горячим. — Оно пошло не туда, куда ему позволяла система. Несколько секунд, потом всё вернулось обратно.

Ина посмотрела на телефон, хотя вряд ли понимала график лучше Норы.

— Авария?

— Нет, — Тала покачала головой. — Я тоже так решила. Мы проверили оборудование, потом проверили ещё раз. Ничего. Всё исправно.

Сера чуть подалась вперёд.

— Ты почувствовала вмешательство?

Тала ответила не сразу. Она отвела взгляд к окну, где в тёмном стекле отражалась вся кухня: женщины за столом, свет лампы, открытый ноутбук Рен и собственное усталое лицо.

— Вот поэтому я и приехала, — сказала она наконец. — Я не знаю, что почувствовала.

Эйда нахмурилась.

— Ты обычно знаешь.

— Спасибо, очень поддерживает, — Тала слабо улыбнулась, но тут же снова стала серьёзной. — Если кто-то лезет в электричество силой, я это чувствую. Не обязательно понимаю кто, но понимаю, откуда идёт давление. Здесь такого не было.

Рен перестала печатать на пару секунд, однако голову не подняла.

— Тогда откуда?

— Не знаю, — ответила Тала. — Было ощущение, что сама система на что-то отреагировала. Не на человека рядом, не на ведьму возле станции. На что-то дальше.

— Насколько дальше? — спросила Ина.

Тала дёрнула плечом.

— Вот если бы я знала.

Нора взяла со стола печенье и протянула ей. Тала машинально отломилла половину, хотя есть явно не хотела, и несколько секунд вертела кусок между пальцами.

— Это длилось меньше десяти секунд, — продолжила она. — Сначала скачок на одном участке, потом почти сразу на втором. Всё так быстро, что автоматика даже толком не успела решить, что делать, а потом показатели вернулись в норму.

Эйда слушала и всё сильнее чувствовала то неприятное совпадение, которое пока никто не называл вслух. Она посмотрела на часы над дверью, потом на телефон Талы.

— Во сколько?

Тала подняла на неё глаза и тоже замерла.

— Первый сигнал пришёл в семнадцать сорок семь, — сказала она, открывая журнал сообщений. — Вторым через несколько секунд. Почему?

Эйда уже знала почему. Она слишком хорошо помнила, во сколько вышла из лаборатории, сколько простояла у перехода и когда увидела Элиаса на другой стороне улицы.

— Примерно тогда я его и встретила, — сказала она.

На кухне стало тише. Нора перестала ломать печенье, Ина посмотрела сначала на Эйду, потом на Талу, а Сера чуть нахмурилась.

— Насколько примерно? — спросила Рен, продолжая смотреть в экран.

— В пределах нескольких минут, — ответила Эйда. — Я не смотрела на часы в момент, когда увидела человека, которого триста лет считала мёртвым.

— Непрофессионально, — пробормотала Рен.

— В следующий раз постараюсь вести протокол.

Нора коротко усмехнулась, но быстро вернулась к Тале.

— То есть у нас в один момент появляется мёртвый мужчина и сходит с ума электричество?

— Оно не сходило с ума, — автоматически поправила Тала.

— Конечно. Оно просто решило немного нарушить законы приличия.

Тала хотела что-то ответить, но Эйда уже смотрела на неё.

— Это мог сделать Элиас?

Вопрос прозвучал быстрее, чем она успела подумать. После всего остального связать два события было слишком просто, и Эйда почти сразу почувствовала, как внутри появляется хоть какая-то логика: Элиас вернулся, произошло вмешательство, значит, одно связано с другим. Хотя что-то наконец складывалось.

Тала, к сожалению, не спешила соглашаться.

— Не знаю, — сказала она. — Но если это был один человек, он должен был сделать что-то очень странное.

— Почему?

— Потому что я не чувствовала источник рядом. Вообще, — Тала положила ладонь на стол и медленно провела пальцами по дереву. — Это было больше похоже на отклик. Представь, что где-то далеко ударили по чему-то большому, а у нас дрогнуло стекло.

Эйда посмотрела на неё.

— Ты сейчас сама понимаешь, что говоришь?

— Не очень, — честно призналась Тала. — И меня это бесит.

Сера всё это время молчала, но теперь забрала телефон со стола и снова посмотрела на график.

— Такое уже было? — спросила она.

Тала слишком долго не отвечала.

Эйда заметила это первой.

— Было, — сказала она вместо неё.

Тала вздохнула и откинулась на спинку стула.

— Один раз. Может, лет пять назад. Чуть меньше, я не помню точно.

Рен за ноутбуком перестала печатать.

Пока никто, кроме Эйды, этого не заметил.

— И ты решила, что это нормально? — спросила Нора.

— Я решила, что старое оборудование делает то, что обычно делает старое оборудование, — Тала чуть раздражённо повела плечами. — Скачок был слабее, ничего не отключилось. Мы потом нашли пару проблемных узлов и заменили их. На этом всё закончилось.

— А сейчас узлы новые? — уточнила Ина.

— Сейчас всё новое и проверенное, — ответила Тала. — Поэтому я и вспомнила тот случай.

Сера вернула ей телефон.

— Подними старые журналы.

— Завтра с утра, — кивнула Тала. — Если данные ещё хранятся нормально, попробую сравнить рисунок.

Эйда краем глаза снова посмотрела на Рен. Та не участвовала в разговоре уже почти минуту, хотя ещё недавно комментировала каждую вторую фразу. На экране перед ней было открыто какое-то окно с фотографией мужчины, но Рен сразу переключила вкладку, потом ещё одну и быстро увеличила изображение.

Нора тоже заметила.

Она встала за своей чашкой, прошла мимо Рен и на обратном пути задержалась возле её стула дольше обычного.

— Что? — спросила она.

Рен не ответила.

Она открыла ещё одну страницу, быстро пробежала глазами текст и вернулась к фотографии. Потом увеличила лицо, сравнила с чем-то во второй вкладке и чуть нахмурилась.

Эйда уже почти не слушала, как Тала объясняет Сера, где именно хранятся старые технические журналы. Она смотрела на Рен и чувствовала, как остатки уверенности насчёт Элиаса опять начинают куда-то уплывать.

Обычно Рен любила находить информацию. Любила тот момент, когда можно было повернуть ноутбук к остальным и с совершенно невыносимой улыбкой сообщить, что все пять минут назад ошибались.

Сейчас она не улыбалась.

Нора поставила чашку рядом с её локтем и ещё раз посмотрела на экран.

— Рен?

— Подожди, — сказала та, впервые за весь вечер без привычной насмешки.

Она открыла ещё две страницы, сравнила даты, потом снова фотографию. На экране мелькнуло то самое лицо — чуть моложе, без седины на висках, но Эйда узнала его раньше, чем Рен успела приблизить изображение.

Элиас.

Вот только по выражению лица Рен было понятно, что имя рядом с фотографией оказалось совсем другим.

Рен ещё несколько секунд смотрела в экран, потом медленно развернула ноутбук к остальным. Фотография занимала почти половину страницы: мужчина в светлой рубашке стоял возле какого-то офисного здания, чуть щурился от солнца и держал в руке бумажный стакан. Волосы были короче, виски ещё без седины, под правой бровью не было свежей царапины, но лицо Эйда узнала сразу.

Под фотографией стояло другое имя.

Лукас Майер.

Эйда не села ближе и не потянулась к ноутбуку, хотя остальные почти одновременно подались к экрану. Ей и с расстояния было видно достаточно: линия носа, рот, складка возле левого глаза, даже привычный наклон головы остался тем же. Только человек на снимке выглядел моложе и спокойнее того, которого она встретила сегодня.

— Поддельные документы? — первой спросила Нора. Она стояла за плечом Рен и смотрела не столько на фотографию, сколько на открытые рядом вкладки.

Рен покачала головой, вернула ноутбук к себе и быстро переключилась на другую страницу.

— Тогда кто-то начал готовить эту подделку очень заранее, — сказала она. — И зачем-то потратил на неё несколько десятилетий.

Эйда наконец подошла ближе. На экране вместо фотографии появился какой-то реестр, потом страница университета, потом ещё одна, уже с датой рождения.

— Тридцать пять, — сказала Рен, проводя пальцем по тачпаду. — Родился в Австрии. Не в Вене, в Нижней Австрии. Родители оба местные.

— Родители? — переспросила Тала и поставила чашку на стол. — В смысле, настоящие?

— Я пока не брала образцы ДНК, если ты об этом, — ответила Рен, но усмешка вышла слабее обычного. — Зато у него есть свидетельство о рождении, школьные записи, потом университет. И всё это появилось не вчера.

Она открыла ещё одну вкладку. На старой школьной фотографии стояли дети в одинаково скучных рядах, учительница сидела сбоку, а где-то в середине второго ряда был мальчик лет десяти с торчащими волосами и слишком серьёзным выражением лица.

Эйда почувствовала, как внутри что-то неприятно сдвинулось.

Лицо было его.

Не похожее. Не «можно перепутать, если хочется». То же самое лицо, только детское, с мягкими щеками и ещё не вытянувшейся линией подбородка.

— Это он? — спросила Ина и чуть наклонилась к экрану.

Эйда кивнула не сразу.

— Да.

Нора посмотрела на неё, потом снова на фотографию.

— Ты уверена?

— Да, — повторила Эйда и сама услышала, как изменился её голос. — Я уже поняла.

Рен ничего не сказала, только открыла следующую фотографию.

Теперь Лукасу было лет семнадцать. Он стоял возле какого-то озера в компании ещё четырёх подростков, один парень держал его за плечо, девушка рядом показывала в камеру два пальца. Лукас смеялся, широко, немного глупо, как умеют смеяться только люди, которые в этот момент вообще не думают о том, как выглядят.

Элиас так не смеялся.

Эйда вдруг поняла это слишком ясно и сама не знала, почему мысль зацепила сильнее документов.

— Это откуда? — спросила Сера, тоже рассматривая снимок.

— Старый аккаунт его одноклассника, — ответила Рен. — Потом ещё университет. Сейчас покажу.

На следующем фото Лукас был старше, лет двадцати с небольшим, в тёмной футболке и с растрёпанными волосами. Рядом стояли люди с пластиковыми стаканами, кто-то закрыл глаза в момент снимка, кто-то держал за плечи сразу двоих. Обычная студенческая фотография, одна из тех, которые потом годами лежат где-нибудь в глубине старой страницы, пока никто не вспомнит удалить.

Эйда смотрела на неё чуть дольше, чем собиралась.

Она знала лицо Элиаса молодым. Знала слишком хорошо. Но такого выражения на нём не видела никогда.

— Хорошо, фотографии можно подделать, — сказала Нора, хотя по тону было понятно, что сама уже не слишком верит в эту версию. — Что ещё?

Рен переключилась на другую страницу.

— Университетские записи. Потом работа. Несколько компаний, без резких скачков. Сейчас сидит в офисе, ничего особенно интересного. Налоги идут годами, адреса менялись нормально, банковская история тоже тянется без дырок.

Тала чуть нахмурилась.

— Ты за пять минут успела добраться до банковской истории?

Рен бросила на неё быстрый взгляд.

— Не отвлекай меня моралью, я занята.

— Я вообще-то восхищаюсь, — Тала подняла обе руки и откинулась на спинку стула. — Просто уточняю масштаб бедствия.

— Масштаб бедствия пока средний, — ответила Рен и снова посмотрела на экран. — Но растёт.

Нора обошла стол и села рядом с Эйдой. Она не стала ничего говорить, только подтянула к себе чашку, давно остывшую, и медленно провела пальцем по краю.

— То есть он не появился недавно, — сказала она. — По крайней мере, как Лукас Майер.

— Нет, — ответила Рен. — Этот человек жил здесь всегда. В смысле, всю свою жизнь.

Эйда опустила взгляд на фотографию десятилетнего Лукаса.

До этой минуты всё ещё можно было держаться за привычную версию: Элиас вернулся. Как — непонятно, зачем — тоже, но вернулся. У него было своё прошлое, общая с ней история, причина ненавидеть её. Странная, невозможная, но хотя бы знакомая логика.

Теперь перед ней сидел другой человек.

Тот, кто родился в Австрии спустя несколько веков после смерти Элиаса, ходил в школу, учился, смеялся возле озера и, скорее всего, когда-то переживал из-за экзаменов, денег и какой-нибудь девушки, которая не отвечала на сообщения.

С этим было сложнее.

Сера тоже долго смотрела на экран, потом чуть повернула голову к Эйде.

— Реинкарнация? — предположила она.

Ина сразу нахмурилась.

— Если даже так, это всё ещё не отвечает на главный вопрос.

— На какой? — спросила Тала.

— Он тогда кто? — Ина посмотрела на фотографию Лукаса в университете. — Тот человек, который жил триста лет назад, или этот?

Рен закрыла одну из вкладок и пожала плечами.

— Пока у нас есть лицо и слова Эйды. Всё остальное — версии.

Эйда почувствовала лёгкое раздражение.

— Он меня узнал.

— Я не спорю, — спокойно ответила Рен. — Но узнавание не делает его Элиасом автоматически.

Нора подняла голову.

— А если Элиас вообще не вернулся? — спросила она.

Все посмотрели на неё.

Эйда тоже.

Нора поставила чашку на стол и чуть подалась вперёд.

— Я серьёзно, — продолжила она. — Если Лукас прожил тридцать пять лет своей жизни, а потом кто-то взял и положил ему в голову воспоминания другого человека?

На кухне стало тихо.

Эйда первая хотела возразить, но не нашла за что зацепиться. Вариант звучал отвратительно, зато объяснял слишком многое сразу.

— Мы не знаем, возможно ли такое, — сказала Ина. Она уже не спорила, просто осторожно удерживала границу между догадкой и фактом.

— Не знаем, — согласилась Нора. — Но это хотя бы объясняет, почему у него есть нормальная биография.

Сера посмотрела на Рен.

— Ты можешь понять, когда что-то изменилось?

— Уже пытаюсь.

Рен снова развернула ноутбук к себе и начала искать быстрее. Она открывала старые страницы, соцсети, какие-то реестры и архивы, иногда замирала на секунду, потом шла дальше. Эйда смотрела на её пальцы и вдруг поняла, что сама больше не думает о том, как убила Элиаса.

Это было неприятно уже само по себе.

Если перед ней сегодня стоял не он, а человек, которому досталась его память, всё становилось хуже. Намного хуже.

Потому что тогда Лукас Майер ничего ей не сделал.

Пока ничего.

— Подожди, — сказала Тала, переведя взгляд с Рен на Эйду. — Если это правда, он сам может не понимать, что с ним происходит?

Ина сразу повернулась к ней.

— Может. Или понимать неправильно.

— Или считать эти воспоминания своими, — добавила Сера.

Эйда провела ладонью по лицу и откинулась на спинку стула.

— Прекрасно. Значит, вместо воскресшего охотника на ведьм у нас может быть человек, которому кто-то засунул в голову воскресшего охотника на ведьм.

— Ты умеешь делать любую версию приятнее, — заметила Нора.

— Я стараюсь.

Несколько секунд никто не говорил. Кофемашина щёлкнула, наверху снова что-то упало, на улице проехала машина с громкой музыкой. Обычный вечер продолжал существовать рядом с тем, что становилось всё менее обычным, и Эйда почему-то особенно ясно слышала сейчас каждый звук.

Рен наконец остановилась.

— Есть ещё кое-что, — сказала она и открыла новую вкладку.

Нора сразу посмотрела на неё.

— Плохое?

— Пока просто странное.

На экране появился список запросов или старых обращений, в котором Эйда не сразу разобралась. Рен увеличила страницу и провела пальцем по строкам.

— Несколько месяцев назад Лукас начал интересоваться старыми церковными архивами, — сказала она. — Не постоянно. Сначала один запрос, потом ещё. Потом доступ к цифровым копиям записей из нескольких приходов.

Сера нахмурилась.

— Что искал?

Рен открыла ещё одну страницу.

— Старое поселение. Даты примерно совпадают с тем временем, когда там жила Изольда.

Эйда медленно выпрямилась.

— Изольда?

— Имя напрямую не везде есть, — Рен покачала головой. — Но в одном запросе оно появляется. Изольда, потом старые церковные записи, потом поселение. Всё это началось не сегодня.

Нора посмотрела на Эйду.

— Насколько давно?

— Первый след — четыре месяца назад, — ответила Рен.

Эйда снова перевела взгляд на фотографию Лукаса. Теперь открыт был снимок из университета: ему там было лет девятнадцать или двадцать, он сидел на чьих-то плечах, смеялся и держал в руке пластиковый стакан. Вокруг стояли люди, которых Элиас никогда не видел, и один парень снизу держал Лукаса за ногу, чтобы тот не свалился.

Эйда смотрела на фотографию и почему-то думала не о сегодняшней встрече.

Не о ноже.

Не о том, как он умер.

Перед ней был человек, который успел прожить почти половину человеческой жизни до того, как в ней снова появился Элиас.

И впервые за весь вечер вопрос изменился.

Не как он вернулся.

А что с Лукасом сделали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.